крепленный неуемной веселостью Пугачева, — знак благополучного исхода проверки. (Об этическом кодексе героя, который проверяется во время этой и — особенно — предыдущей трапез Пугачева с Петрушей, будет сказано ниже.) Наступает второй тур основного испытания, складывающийся из поражения антагониста, нейтрализации беды при содействии чудесного помощника, обретения невесты, триумфа героя. В повторном основном испытании стилистический уровень насыщен фольклорными тавтологическими формулами: «Ин быть по-твоему! — сказал он (Пугачев). — Казнить так казнить, жаловать так жаловать: таков мой обычай. Возьми себе свою красавицу: вези ее, куда хочешь, и дай вам бог любовь да совет!» (стр. 356).

О заступничестве добавочного помощника — Зурина уже говорилось. Остается уточнить, что заступничество мнимого антагониста, идентифицирующего, опознающего Гринева, допустимо считать первым вариантом заметно ослабленного дополнительного испытания (гусары принимают Петрушу за изменника, т. е. отказываются видеть в нем героя). Событийный рисунок следующей главы («Суд») мы вправе представить в качестве второго дополнительного испытания. Правда, в противоположность сказке функцию самозванца принимает на себя не специализированный персонаж, а все тот же вредитель Швабрин. Он клевещет на Петрушу и, дабы выгородить себя, приписывает ему свою собственную измену. Запирательство и те отрицательные для героя последствия, к которым привел допрос, объясняются в «Капитанской дочке» с сугубо психологических позиций: «Я хотел было продолжать, как начал, и объяснить мою связь с Марьей Ивановной так же искренно, как и всё прочее. Но вдруг почувствовал непреодолимое отвращение. Мне пришло в голову, что если назову ее, то комиссия потребует ее к ответу; и мысль впутать имя ее между гнусными изветами злодеев, и ее самую привести на очную с ними ставку, — эта ужасная мысль так меня поразила, что я замялся и спутался» (стр. 368). Условность психологического объяснения станет явной, когда мы проследим до конца развертку повествовательных элементов: в финале «Капитанской дочки» Маша выручает Гринева (и при этом сама проходит испытание), чему в волшебной сказке сюжетно соответствует признание невестой истинного героя (узнавание). Психологическая мотивировка, следовательно, позволяет, несмотря на выпадение ряда финальных функций волшебного архетипа, сохранить сказочную норму отношений между персонажами.[102] Так как Швабрин играет сразу и роль антагониста, и роль самозванца, он наказывается дважды: в качестве исполнителя первой роли — вредителя (его лишают невесты), и во второй раз — окончательно, в системе дополнительного испытания.[103] Повесть завершается свадебным апофеозом.

Повторим некоторые основные разночтения между волшебной схемой и структурой текста «Капитанской дочки»: в повести происходит частичное уравновешивание ценностного плана, влекущее за собой испытание невесты и деформацию дополнительных проверок героя; ослабляется формализм сюжетно-сказочного кода; в структуру внедряются инородные жанровые элементы; подробно разрабатывается культурно-историче-

---

[102] «Гринев, не желая запутать Машу, не дает показаний. Это — цитатный прием. Невозможность давать показания или невозможность говорить до срока мы имеем в сказках и в их сводах, например „Семь визирей" в немецких сказках ... Изменилась мотивировка» (Виктор Шкловский. Гамбургский счет. Л., 1928, стр. 31).

[103] Ср. чересчур оценочный подход к фигуре Швабрина в такой тонкой работе, как: Г. А. Гуковский. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957, стр. 373.